

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXIV.

1899 Г.

ЯНВАРЬ

Кіевъ. типографія Імператорскаго Університета Св. Владимира
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мих. ул., д. № 4-й.

1899.

ЗНАКОМСТВО И. И. СРЕЗНЕВСКАГО СЪ И. П. КОТЛЯРЕВСКИМЪ.

Среди бумагъ И. И. Срезневского, въ ряду массы листковъ, записей и замѣтокъ по малорусской старинѣ и народной словесности, находится, между прочимъ, разсказъ Измаила Ивановича о его свиданіи въ іюлѣ 1837 года съ Иваномъ Петровичемъ Котляревскимъ. Написанный вскоро на простой сбѣрной бумагѣ, бѣглымъ почеркомъ, съ обилиемъ недописанныхъ словъ, очевидно подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ давно желанной встречи, рассказъ этотъ представляетъ собою большой интересъ. Если прибавить къ сказанному, что Срезневскій былъ замѣчательнымъ наблюдателемъ, какъ давнимъ-давно отмѣтилъ еще Шафарикъ, что часто въ своихъ описаніяхъ, замѣткахъ и очеркахъ онъ изображалъ предметъ, если можно такъ выражаться, съ фотографической точностью и вмѣстѣ съ тѣмъ умѣль влагать душу въ свои описанія, то значеніе рукописи должно еще болѣе увеличиться.

Свиданіе Срезневского съ Котляревскимъ произошло, какъ сказано выше, въ іюлѣ 1837 года, т. е. за полтора года до смерти Ивана Петровича, когда ему было 68 лѣтъ. Срезневскому тогда было 25. Это былъ человѣкъ полный силъ, съ энергіей отдавшійся изученію Украины, только что выступившій въ свѣтъ съ своей „Запорожской Стариной“, уже известный въ литературѣ, благодаря ряду статей по исторіи и народной словесности Малороссіи. Такимъ образомъ, одинъ изъ встрѣч.

тившихся въ Полтавѣ въ 1837 году былъ человѣкъ, только что начавшій свою литературную жизнь, другой—уже ступившій одной ногой въ могилу. Но взаимное сочувствіе и уваженіе, соединенное съ общностью литературныхъ интересовъ и взглядовъ, ихъ сблизило, какъ ровней, какъ товарищей во время этого перваго и, какъ надо думать, послѣдняго ихъ свиданія.

Для почитателей таланта И. П. Котляревскаго 1830—40-хъ годовъ встрѣча его съ Срезневскимъ должна была быть дорога тѣмъ, что благодаря ей, можно предположить, Котляревскій вѣрнулъ Срезневскому свою рукопись *Москаля-Чаривника* и *Наталки-Полтавки*, разрѣшивъ ему ихъ печатаніе въ Украинскомъ *Сборникѣ*, который тогда издавалъ Срезневскій. „Украинскій Сборникъ“, по словамъ его издателя, долженъ быть быть „собраниемъ всякаго рода памятниковъ народности украинской“; *Наталка-Полтавка*, разбираемая съ той стороны, на которую главнымъ образомъ обращалъ вниманіе И. И. Срезневскій, вполнѣ подходила къ программѣ издателя. „Я началъ Украинскій сборникъ Наталкой-Полтавкой Ивана Петровича Котляревскаго“, писалъ Измаилъ Ивановичъ въ предисловіи къ сборнику, „и, кажется, не могъ выбрать лучшаго начала: а) *Наталка-Полтавка* была не только однимъ изъ первыхъ книжно-народныхъ произведеній Украины, но вмѣстѣ и первымъ сборникомъ памятниковъ украинской народности, образцемъ для всѣхъ послѣдовавшихъ; б) *Наталка-Полтавка* имѣла сильное влияніе на изученіе Украинской народности, можно сказать, пробудила его и до сихъ поръ остается лучшимъ указателемъ почти на всѣ важнѣйшія стороны, съ которыхъ должно изучать украинскую народность. Можно бы послѣ этого и не упоминать о томъ, что *Наталка-Полтавка* изъ книжно-народныхъ украинскихъ произведеній большого размѣра по своему внутреннему достоинству занимаетъ первое мѣсто, что она болѣе всѣхъ любима во всей Украинѣ, что, наконецъ, она доселе была неиздана и переписками искажалась все болѣе и болѣе. Такимъ образомъ, *Наталка-Полтавка*, занимая первое мѣсто въ моемъ Украинскомъ Сборникѣ, можетъ быть съ одной стороны считаема какъ бы

вступлениемъ ко всему тому, что будетъ за нею помѣщаемо въ немъ, а съ другой—останется навсегда однимъ изъ лучшихъ его украшений".—Эти слова И. И. Срезневского обращаютъ на себя вниманіе, между прочимъ, тѣмъ, что являются первой печатной оцѣнкой литературнаго значенія Котляревскаго: отзывы о его поэзіи, встрѣчавшейся въ печати ранѣе, были слишкомъ случайны и отрывочны.

Наташка-Полтавка вышла въ 1838 году. По словамъ Стеблинга-Каменскаго,¹⁾ Котляревскому удалось ее увидѣть незадолго до смерти; Москала Чаривныка, который выпелъ въ свѣтъ лишь въ 1841 г., онъ уже не увидѣлъ напечатаннымъ. Какъ говорится въ письмахъ И. И. Срезневскаго къ матери, веденіе изданія Москала-Чаривныка, вслѣдствіе отъѣзда Измаила Ивановича за границу въ 1839 году, взялъ на себя Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ, съ которымъ Срезневскій познакомился во время проѣзда черезъ Москву: „онъ—страстный охотникъ до всего малороссійскаго”, писалъ Срезневскій,... я передалъ ему Москала-Чаривныка, онъ издастъ его, какъ вторую книжку Украинскаго Сборника²⁾; тогда же обѣщалъ содѣйствовать изданію и Гоголь, предложившій Срезневскому держать корректуру³⁾. Москала-Чаривныка, какъ говорится въ тѣхъ же письмахъ, Щепкинъ предполагалъ поставить на сценѣ Московскаго театра.

Знакомство съ Котляревскимъ, можно думать, зародило въ И. И. Срезневскомъ мечту о составленіи его біографіи; по крайней мѣрѣ изъ писемъ къ Срезневскому полтавскаго священника о. Мазанова, пріятеля Котляревскаго, видно, что Измаилъ Ивановичъ собиралъ матеріалы для біографіи. „Къ сожалѣнію моему”, писалъ Мазановъ, „не могу ничего особенно сообщить вамъ на счетъ Ивана Петровича; Стеблинъ въ непрологѣ своемъ весьма хорошо выразилъ его характеръ и образъ жизни; онъ точно былъ оригиналъ въ своемъ родѣ, говоривалъ всегда остро, но нерѣдко и съ аттическою солью..., трудно уберечься, чтобы

¹⁾ Сѣверная Пчела, 1839, № 146. с. 584.

²⁾ Путевыя письма И. И. Срезневскаго къ матери (Спб. 1895) с. 20.

³⁾ Ibid. 20.

онъ къ чему не привязался, не всегда резонно; былъ душою общества, и гдѣ онъ, тамъ всегда было не скучно. Но особенно его анекдоты были всегда преуморительны; даже и тогда, когда онъ, заболѣвши, почувствовалъ близкій конецъ жизни, то, когда пріѣхалъ къ нему докторъ, онъ ему на отрѣзъ сказалъ: не поможетъ баби кадыло, колы бабу сказыло, и рѣшительно не захотѣлъ принимать никакихъ лекарствъ; болѣе отъ него никто ничего и не слышалъ¹). Изъ другого письма Мазанова видно, что для И. И. Срезневского онъ просилъ у Котляревскаго разрешенія снять копію съ его портрета; это разрешеніе, вмѣстѣ съ обѣщаніемъ надписать портретъ, было имъ получено незадолго до смерти Котляревскаго, 29 августа, въ день его именинъ, когда Мазановъ обѣдалъ у него съ нѣсколькими близкими лицами²). Біографіи Котляревскаго Измаилъ Ивановичъ же составилъ; даже матеріаловъ для нея не сохранилось въ его бумагахъ³). Неосуществленіе этой мечты Срезневскаго находится въ связи съ тѣми перемѣнами, которые наступили въ жизни и направлениіи его дѣятельности въ 1839 году съ отѣздомъ въ западно-славянскія земли.

Вс. Срезневскій.

28 окт. 1898 г.

Полтава, 11 іюля 1837.

Сегодня въ пять часовъ послѣ полудня началась для меня новая жизнь въ Полтавѣ. Я забылъ на время, насколько могу забыть и прошедшее, бывшее для меня еще такъ недавно настоящимъ, и будущее, еще такъ недавно казавшееся мнѣ вовсе лишнимъ въ жизни человѣческой. Пролежавши добный часъ на диванѣ, я очнулся, очень важно задавши себѣ вопросъ: „зачѣмъ-же я въ Полтавѣ?“—и невольно

¹) Письмо Мазанова 10 янв. 1839 г.

²) Письмо Мазанова 28 ноября 1838 г.

³) Единственное исключеніе составляетъ листокъ съ выборками изъ біографіи, оставленной С. Каменскимъ. Изъ относящагося къ Котляревскому въ бумагахъ И. И. Срезневскаго есть еще начало перевода Наталки-Полтавки на чешскій языкъ (Natalka-Poltavanka).

изумился, когда, не успѣвши самому себѣ договорить вопроса, уже успѣлъ договорить въ отвѣтъ—„Могила и Котляревскій“. Могила и Котляревскій—ничто другое не могло меня привлечь въ Полтаву, въ эту беззаботно-скучную, простодушно-пустынную, хоть и милую Полтаву. Пробило 5 часовъ; я отправился къ хозяюшкѣ съ просьбою о совѣтѣ, что мнѣ дѣлать—получилъ совѣтъ бѣхать къ Котляревскому, послалъ за извощикомъ и чрезъ пять минутъ сидѣлъ на дрожкахъ.—Куда прикажете?—Къ Котляревскому.—Но—но... Поди—и—и!—Да развѣ ты знаешь его домъ?—Гмъ-съ! Какъ не знать. Важивали къ нему и генераловъ.—Что-же, ты знаешь Котляревскаго?—И видаль-съ.—А знаешь о немъ что нибудь?—Да тутъ—мальчишка-дуракъ скажетъ вамъ о немъ что ни есть, и къ дому доведеть, и собаку его по имени назоветъ.—Ну, кто-жъ онъ?—Да Богъ его знаетъ, кто онъ—не то майоръ что-ли, хоть и бѣдный, а знатный баринъ. Вишь ты, сказываютъ, что де онъ что-то по хохлацки писалъ, да вотъ какъ писалъ, что де и какую-то нашу Наталку Полтавку описалъ. Объ ней и пѣсни его ходятъ. Я бы вамъ сказалъ и пѣсни, да по хохлацки мудрено сложены.—Ну вотъ и... тпру.—

Зaborъ, ворота съ калиткой, подъ заборомъ и подъ воротами трава—будто вокругъ обгороженнаго памятника. Извощикъ помогъ мнѣ створить калитку, приласкалъ „жучка“, встрѣтившаго было насъ лаемъ, и провелъ до крыльца. Мы шли по едва протоптанной тропинкѣ по дворику, маленькому и чистенькому, какъ садикъ, а впереди былъ и въ самомъ дѣлѣ садикъ, отгороженный рѣшеткой, и слѣва углублялся въ него старенький маленький домикъ съ чудною высокою крышей, съ крылечкомъ въ полуторы ступени, съ крошечными оконцами...—Извольте идти направо, сказалъ мнѣ извощикъ, и пошелъ къ лошадямъ, а я, признаюсь откровенно, я остановился на крылечкѣ и вздохнулъ отъ радости.—Я увижу его! О еслибъ онъ меня принялъ хорошо, радушно, хоть съ тысячной долей того чувства, которое влечетъ меня къ нему! Какая то женщина лѣтъ тридцати попросила меня взойти, повела за собой по сѣнямъ, отворила

дверь направо и ввела въ длинную лестницу, темную и странную, может быть и темную и странную отъ обоевъ, на которыхъ пепельно-кофейными красками разрисованы были различные портреты и что-то еще въ этомъ родѣ. Изъ этой комнатки одна притворенная дверь вела въ маленькую же комнату, которая, какъ я узналъ постѣ, есть спальня Ивана Петровича, а другая растворенная дверь выказывала другую комнату, гораздо болѣе свѣтлую и помѣстительную, и растворилась еще болѣе, когда моя путеводительница просила меня въйти въ нее. Я вошелъ... никого не было. Низенькая комнатка была свѣтла, довольно велика и какъ-то мила, прихотливо-уютна, покойно-весела. Тутъ направо столъ, за нимъ два или три стула; окно и опять столъ въ углу, большой, накладенный книгами, полуприкрытыми синей скатертью, а надъ столомъ двѣ картины; отъ стола прямо по стѣнѣ стулья и между ними вольтеровское старинное кресло, бокомъ къ окну; между этимъ окномъ и двумя другими два маленькихъ зеркальца; далѣе опять въ углу столъ, тоже съ книгами, тоже подъ синей скатертью; стѣна направо украшена картинками въ папковыхъ рамкахъ, между которыми два гравированныхъ портрета—императоровъ Александра и Николая—отличаются отъ другихъ богатствомъ и изяществомъ рамокъ, и подъ ними диванъ, а передъ диваномъ столъ, покрытый драпированнымъ платкомъ, и на немъ бронзовый чернильный приборъ, бумаги, прикрытый томомъ Исторіи Карамзина, и еще какъ-то развернутыя книжки; далѣе въ углу опять столъ и опять съ книгами; за нимъ два шкафа съ книгами, печь и за нею дверь, въ которую я вошелъ. Вотъ эта комната, эта гостинная-кабинетъ Ивана Петровича! Едва я успѣлъ окончить мой tour вокругъ комнатки, какъ въ комнатку вошелъ довольно высокого роста, худой старикъ, въ кашемировомъ халатѣ... Это онъ. Пріятная улыбка на лицѣ, и рука протянута ко мнѣ....

— Извините, Иванъ Петровичъ, если я васъ обезпокоилъ. Быть у васъ и засвидѣтельствовать вамъ лично то глубокое, душевное уваженіе, которое издавна питаютъ къ вамъ,—вотъ одна изъ немногихъ причинъ, которыхъ заставили меня вос-

воспользоваться нѣсколькими днями досуга и пойхать въ Полтаву... Позвольте мнѣ представить вамъ первый опытъ моихъ трудовъ объ Украинѣ, странѣ хотя и не родной мнѣ, но тѣмъ не менѣе любимой.—Я подалъ ему мою Запорожскую Старину.

— А!... Очень радъ, Измаилъ Ивановичъ, знакомству съ вами. Я давно знаю васъ, и жалѣль, что до сихъ поръ мнѣ удалось читать только одну изъ книжекъ вашего прекраснаго изданія.

Онъ поцѣловалъ меня, дружески пожалъ руки и повелъ къ дивану. Мы сѣли. Разговоръ быстро завязался. Иванъ Петровичъ говорилъ мало и все по-русски, но говорилъ умно, отчетливо, просто. Мнѣ очень пріятно было сойтись съ нимъ въ мысли, что исторія Украины или, какъ я зову, Малороссіи, со-ставляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ эпизодовъ въ исторіи Россіи, и что этотъ эпизодъ долженъ быть обработанъ съ особеннымъ тщаніемъ, потому что Украина принадлежитъ слава разрѣшенія судьбы и Польши, и Россіи.—„Когда-то мы дождемся истори-ческаго описанія Малороссіи, ея достойнаго!“... „Когда желаніе понять ее будетъ замѣнять желаніе ее описать“, отвѣчалъ я. „Ваша правда: теперь она невозможна“,—и Иванъ Петровичъ, припоминая о томъ, что сдѣлано, прекрасно высказалъ, чего еще не достаетъ въ массѣ материаловъ. Видно было, что онъ слѣдилъ зорко за движениемъ разработки материаловъ. Потомъ у насъ завязался маленький споръ о важности памятниковъ на-родной словесности: онъ отчасти отрица1ль эту важность, назы-валъ современную любовь къ собиранию народной поэзіи по-рожденіемъ моды, ведущимъ въ чѣмногому, и собирателей ви-нилъ въ недальнозоркости, въ неумѣніи пользоваться сокрови-щами.—„А сокровища все болѣе пропадаютъ, и скоро не надѣ-чѣмъ будетъ и трудиться; бывало десятками, сотнями слышали старинныя пѣсни и думы, а теперь разъ въ годъ придется ус-lyшать одну. Пусть бы эти сокровища остались не болѣе какъ тѣмъ, чѣмъ стались пирамиды для Египта, все же-бъ остались памятникомъ народа, стоящаго памяти“.

Я рассказалъ ему свои попытки къ собиранію памятниковъ народности, свои предположенія, свои надежды,—говорилъ, какъ думалъ, какъ чувствовалъ.....—„Колы бъ-то такъ уси за дило прыймалысь! Та ще колы бъ не москали, а наши“..... Не знаю, что я отвѣчалъ на это, но съ этихъ поръ Иванъ Петровичъ, позволяя мнѣ мѣшать русскія фразы съ украинскими, самъ говорилъ почти все по-украински. Взоръ его, до того направленный на меня какъ-то недовѣрчиво, какъ-то холодно, оживился, слова полились рѣкою, и нѣсколько разъ почтенный старикъ откашивалъ свой смѣхъ, свои краснорѣчивые періоды.

